

Евгений Маурин

ЛЮДОВИК
И ЕЛИЗАВЕТА

Москва

2017

УДК 82-311.6
ББК 84-4
М35

Маурин, Е. И.

М35 Людовик и Елизавета / Е. И. Маурин. – М.: Т8RUGRAM, 2017. – 376 с.

ISBN 978-5-519-49499-1

Перед вами история России — история, от которой захватывает дух! Книга из серии «Русский исторический роман».

Роман «Людовик и Елизавета» повествует о временах бироновского правления и немецкого влияния при русском дворе, когда любовь и политика тесно переплелись в борьбе за трон. Главная героиня романа — будущая императрица Елизавета, но на первом плане оказывается не столько историческая эпоха, сколько любовные похождения персонажей — венценосных особ и их фаворитов. Автор, Маурин Евгений Иванович — знаменитый российский беллетрист, признанный мастер историко-авантюрной прозы.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-311.6
ББК 84-4
ВІС НВТ
BISAC FIC014000

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
I.....	5
II.....	7
III.....	8
IV.....	10
V.....	12
VI.....	16
VII.....	18
VIII.....	21
IX.....	22
X.....	24
Часть первая. Людовик	25
I. Король скучает.....	25
II. Маркиз де Суврэ.....	31
III. У де Майльи.....	39
IV. Король забавляется.....	45
V. Узел интриг.....	56
VI. Признания.....	64
VII. Дальнейшее признание.....	76
VIII. «Я нашел тебя, девушка».....	93
IX. Дуэль.....	118
X. Полетт действует.....	129
XI. «Варись, каша, покруче!».....	148
XII. Совещание.....	160
Часть вторая. Елизавета	180
I. В лабиринте интриг.....	180
II. Превращения.....	188
III. Охотник и дичь.....	196
IV. Царевна.....	202

V. В своей сфере	210
VI. Падение регента	220
VII. «Ловись, рыбка, большая и маленькая»	239
VIII. Во тьме	246
IX. Затруднения маркиза де ла Шетарди.	260
X. Нежданно-негаданно	271
XI. Горе-заговорщики.	281
XII. Радости и горести Ваньки Каина	291
XIII. Горбатый секретарь.	299
XIV. В капкане	306
XV. Старые счета	316
XVI. Поворотный пункт	324
XVII. Накануне переворота	336
XVIII. Важное решение	341
XIX. Момент настал	349
XX. На пути к трону	359
XXI. Разочарование Жанны	367
<i>Эпилог</i>	373

Предисловие

I

В XVIII веке идея самодержавного единовластия не пользовалась симпатиями «верхов» русского общества. Требуя от народа слепого, рабского подчинения, не допуская даже и мысли о возможности влияния «подлой черни» на ход государственных дел, дворянство для себя лично домогалось права на руководящую роль в управлении страной, и вся русская история XVIII века по существу своему является историей борьбы между олигархическими аппетитами русской аристократии и стремлениями монархов прочно внедрить абсолютное признание своей единой воли. Конечно, ввиду полной разобщенности монарха с народом дворянство неизбежно оставалось бы победителем в этой борьбе, если бы его притязания покоились на идейной, а не на корыстной почве. Но «верхи» в погоне за благами земными разбивались на партии, и стоило одной кучке взять верх, как другая немедленно начинала вести подкоп против нее.

Немудрено, что при таком положении вещей период от Петра Великого до восшествия на престол Александра I был столь богат так называемыми «дворцовыми революциями». Особенностью последних были их крайняя изолированность и однообразие рецепта. Не только народ в широком смысле этого слова, но даже ближайшие придворные не всегда знали, просыпаясь утром, что вчерашний монарх уже свержен и сегодня царит новый. А рецепт употреблялся всегда один и тот же: брали роту солдат и арестовывали венценосца — только и всего; простота, которой не встретишь в истории переворотов всех других стран.

Петр Великий всю жизнь работал над освобождением трона от олигархических притязаний дворянства. Для противовеса родовому дворянству он вызвал к жизни дворянство служилое, где недостаток происхождения с лихвой восполнялся талантами

и работоспособностью. Именно при нем и даже в его присутствии вельможа из бывших пирожников Меншиков сказал убогому разумом князьку-Рюриковичу, кичившемуся своим происхождением: «Ты, батюшка, потомок, ну, а я — предок!» Если бы Петру I было дано жить два века или если бы ему наследовал достойный его, преобразователя, монарх, то самодержавная власть, опираясь на новое служилое дворянство, была бы упрочена. Но Петр Великий умер, не завершив своего дела и даже не назначив себе наследника. Это сразу поставило трон в зависимость от партий.

В то время были две партии: одна хотела видеть Екатерину I русской государыней, другая настаивала на правах внука Петра, сына царевича Алексея (Петра II), и соглашалась только на регенство Екатерины. Верх взяла первая партия, Петр II был объявлен наследником.

Царствование Екатерины I и Петра II вполне подходило под мерку олигархических претензий дворянства. Екатерина I не имела никаких данных для сознательного правления, Петр Второй был слишком юн для этого. Это разожгло аппетиты: после смерти Петра II дворянство самовольно обошло права цесаревны Елизаветы и призвало на трон племянницу Петра Великого герцогиню Курляндскую, Анну Иоанновну.

Призывая ее на трон, знать поставила весьма немалые условия, а именно: ограничение самодержавия. Согласно им императрица ровно ничего не могла делать своею властью без согласия тех восьми персон, из которых состоял Верховный Тайный Совет. Анна Иоанновна согласилась на эти условия, которые давали большой вес партии князей Долгоруких и Голицыных. Зато возмутились Головкины, Трубецкие, Барятинские, Черкасские и др. На сцену была выдвинута вершительница судеб многих последующих монархов — «рота солдат». И вот, опираясь на армию, императрица разорвала подписанную ею олигархическую конституцию и стала править «самодержавно».

Анна Иоанновна призвала ко двору дочь своей старшей сестры Екатерины Иоанновны — принцессу Мекленбург-Шверинскую Елизавету-Екатерину-Христину, во крещении — Анну Леопольдовну. От брака Анны Леопольдовны с принцем Антоном Ульрихом

Брауншвейг-Люнебургским родился принц Иоанн. Умирая, Ания Иоанновна назначила своим наследником последнего, а регентом повелела быть герцогу Бирону.

Бирон имел свои счеты с родителями малолетнего императора, которые и поспешили поэтому отделаться от неудобного регента. На сцену вновь вышла «рота солдат» — Бирон был арестован, Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей.

При обеих Аннах в России царило полное немецкое засилье. В мемуарах современников то и дело встречаются такие фразы: «Такой-то отличился и должен был получить командование полком, но на свою беду он русский». Этим положением вещей воспользовалась цесаревна Елизавета Петровна и с помощью «роты солдат» арестовала всю семью малолетнего императора.

В дальнейшем все та же «рота солдат» фигурировала еще раз при ниспровержении Екатериной II своего супруга и наследника Елизаветы — Петра III. Сын и наследник Екатерины II император Павел был устранен уже без участия «роты» усилиями ближайших придворных. Это была последняя «дворцовая революция».

При императоре Николае I нашумевший бунт декабристов был последним активным усилием дворянства и армии вмешаться в государственную жизнь. Но это было вызвано уже совершенно иными идейными мотивами, да и представляло собой отзвук XVIII века в XIX, своего рода исторический пережиток. С XVIII веком окончательно умерли олигархические претензии дворянства.

II

Мы упоминали выше, да и иллюстрировали примерами однообразие рецептов русских переворотов XVIII века. Но для одного из этих переворотов, а именно — для революции 1741 года, возведшей на российский престол императрицу Елизавету, необходимо сделать оговорку: переворот 1741 года по своей внутренней подоплеке был гораздо сложнее, чем можно было подумать судя по первому взгляду. Достаточно вспомнить только, что весьма активное участие в подготовке к воцарению Елизаветы Петровны принимал французский посол Шетарди. Из сборника донесений Шетарди,

извлеченных из французских архивов Тургеневым и переведенных Пекарским, можно видеть, что это делалось не без участия французского правительства. Значит, в данном случае мы имеем дело не только с правлением олигархических тенденций русского дворянства, но и с планомерной иностранной интригой.

Действительно, достаточно самого поверхностного знакомства с историческими документами, чтобы убедиться, что переворот 1741 года при всей своей внешней простоте и шаблонности внутренне довольно сложен. Это было далеко не случайное явление, а логическое следствие ряда взаимодействующих причин, корни которых разветвлялись широко и по времени, и по пространству.

Предлагаемый роман бытописует именно этот переворот, и сложность последнего в достаточной мере усложняет задачу автора. Историческое повествование должно соединять в себе достоинства и художественного романа, и исторического очерка. Но первый требует живости изложения, второй — ясности исторического рисунка эпохи. В то же время ничто так не мешает необходимому нарастанию интереса развития романической интриги, как бесконечные отступления в область исторических ссылок и справок. Стремясь как-нибудь выйти из этой дилеммы, автор решил выделить всю историческую часть в настоящем предисловии.

Мы уже указывали выше, что интересующий нас переворот произошел не без участия французского правительства. В какой же мере и степени выразилось это участие?

Ответ на последний вопрос нам может дать краткий очерк истории русско-французских сношений, к которому мы и обращаемся.

III

Впервые о прямых попытках к русско-французскому союзу упоминается в хрониках XVII века, когда в 1629 г. к царю Михаилу Федоровичу явилось чрезвычайное посольство от Людовика XIII. Глава посольства, Дюгэй-Корменен, от имени своего короля приглашал русского царя слиться тесным союзом с Францией. Ведь «белый царь» — глава православия, а французский король — глава католических стран; таким образом, если два таких «Потентата»

будут действовать заодно, то им покорятся все остальные государства.

Предложение Корменена встретило очень благосклонный прием, но Московия была тяжела на подъем, и дело кончилось простыми уверениями в дружбе. Вплоть до Петра Великого вопрос о союзе с Францией оставался совершенно открытым.

В первое время своего царствования Петр I не мог помышлять о союзах. Россия терпела военные неудачи, а союз с иностранным государством только тогда выгоден обеим сторонам, когда и та, и другая стороны верят в обоюдную мощь. Русскую мощь еще надлежало доказать. Только разгромив шведов и отомстив туркам за неудачи Прутского похода, Петр обратил взоры на Францию.

В то время Францией от имени малолетнего Людовика Пятнадцатого правил регент (герцог Орлеанский). Петр I послал в Париж своего агента (Зотова), который должен был позондировать настроение и, если возможно, подготовить почву. Но никаких дипломатических полномочий этот агент не имел. Петр имел свои основания не желать, чтобы о его планах узнали другие державы. И вот, не оповещая никого о своих намерениях, Петр в конце 1716 года отправился в заграничное путешествие и через Пруссию прибыл в Голландию, которая в то время представляла собою нечто вроде «меры международных соглашений». Голландским представителем Франции был маркиз Шатонеф — личность, по своему положению и качествам пользовавшаяся особенным доверием правительства. Петр послал к Шатонефу своего министра, князя Куракина, который и сообщил французскому послу о желании русского императора завязать союзные сношения с Францией; Куракин просил Шатонефа сообщить своему правительству, что Петр лично направляется с этой целью в Париж.

Донесение Шатонефа привело правительство регента в большое смущение.

На это были две причины. Россия открыто враждовала с Англией, а Франция в дружбе последней весьма нуждалась; кроме того, ни Англия, ни Франция не признали еще официально императорского титула Петра, и посещение Парижа царем грозило немалыми затруднениями. И вот Шатонеф получил предписание: внешне

склоняться на всяческие заверения в дружбе, но по существу не решать ничего и ничего не отвечать на желание царя посетить Париж. Авось пронесет Господь!

Но не с Петром можно было вести такую политику!

Разгадав французскую тактику, Петр, никого не предупреждая, в марте 1717 года сел на корабль и отправился в Париж, куда и прибыл 7-го мая того же года.

Тут на месте, в Париже, Петр не добился ничего. Франция была очень склонна связать быстро крепнувшего «северного колосса» выгодным договором, но на беду о переговорах узнала Англия, вмешалась энергичной нотой, и Петр уехал как бы ни с чем. Однако это было только «как бы». Через два месяца в Амстердаме был подписан договор между Францией, Пруссией и Россией.

После подписания этого договора между обеими странами — Францией и Россией — воцарились очень хорошие отношения. Первая сразу же сумела оказать второй большую услугу: по энергичному представлению французского посла при шведском дворе, Кампредона, шведское правительство пошло на уступки, и в Ньюстадте был подписан очень выгодный для России мир (1721 г.). После этого Кампредона назначили министром-президентом при петербургском дворе.

IV

Во время своего пребывания в Париже Петру пришлось повидать и малолетнего короля Людовика XV. Царю очень понравился этот крошечный король, который уже умел осанкой и благородными жестами свидетельствовать о своем сане. Вопреки всяческому этикету Петр схватил короля-ребенка, поднял его на воздух и расцеловал. «Очень возможно, — говорит А. Вандаль, — что именно тогда царю пришла в голову мысль женить короля на своей дочери, царевне Елизавете».

На первых порах об этих планах сноситься с Францией было неудобно. А там пришла весть, разрушившая их: правительство регента избрало невестой Людовику малолетнюю инфанту испанскую, которую привезли во Францию и стали воспитывать